

Евдокимова Е. П.

Трансформация повседневных практик городского населения России в условиях пандемии COVID-19

Evdokimova E. P. Everyday Life Transformation of the Urban Population of Russia in the Context of the COVID-19 Pandemic

В статье рассмотрены изменения жизненного пространства индивидов в экстремальной ситуации и повседневных практик городского населения России в условиях пандемии COVID-19. Показано, что ситуация пандемии актуализирует рефлексию по поводу пространственных параметров повседневной жизни горожан. Такая ситуация инициирует ревизию значимости непосредственных межличностных контактов в разных сферах жизнедеятельности. Для анализа практик удаленной работы привлечен материал проекта коронаФОМ, по данным которого эти практики в период локдауна охватывали более 10 % городского населения России. Показано, что указанные практики проблематизируют понятия рабочего места и рабочего времени, увеличивая функциональную нагрузку на жилище.

Ключевые слова: жизненное пространство индивида, городское население, повседневные практики, удаленная работа, глобальное и локальное, социальное неравенство.

The article examines changes in the life space of individuals in an extreme situation caused by the covid19 pandemic. It is shown that the pandemic situation actualizes reflection on the spatial parameters of everyday life of citizens. This situation initiates a revision of the significance of direct interpersonal contacts in different spheres of life of the population. For the analysis of remote work practices, the material of the CovidFOM Project was used, according to which these practices covered more than 10 % of the urban population of Russia during the lockdown period. It is shown that these practices problematize the concepts of workplace and working time, increasing the functional load on the home.

Keywords: individual life space, urban population, everyday practices, remote work, global and local, social inequality.

Социальные изменения, катаклизмы, катастрофы часто оказываются интересным временем для социального исследователя. Вынуждая людей приспосабливаться к изменившимся обстоятельствам, ломая рутину повседневной жизни, втягивая в зону своего влияния не отдельные активные группы, а большие массы населения, такие события обнажают механизмы существования и функционирования общества. Эти события приводят к тому, что люди задумываются о происходящем, оценивают возникающие проблемные ситуации, сознательно начинают искать выход из них. В итоге оценки, рассуждения попадают в общественный дискурс, представляют собой ценнейший материал, характеризующий общество и происходящие в нем изменения.

Крупнейшим событием такого рода стала пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, охватившая многие страны мира и вынудившая миллионы людей на

Евдокимова Елена Петровна — научный сотрудник сектора социоурбанистики Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

© Евдокимова Е. П., 2020

время резко изменить привычный образ жизни. Эти изменения затронули разные аспекты общественной жизни — общественные представления, практики и отношения. Анализу происходящих процессов посвящены многие работы социологов последних месяцев [1, с. 144; 2, с. 138; 3; 4]. Не избежали влияния этого события и социально-пространственные параметры повседневной жизни городского населения, в изменении которых наблюдаются новые тенденции.

Социально-пространственные параметры повседневной жизни горожан и тенденции их изменения изучались в последние годы в контексте исследований городского пространства как жизненной среды городского населения [5]. Нами эти параметры рассмотрены как базовые координаты жизнедеятельности городского населения с опорой в их изучении на модель жизненного пространства индивидов, восходящую к К. Левину [6, р. 64–80]. Жизненное пространство индивидов, понимаемое в соответствии с этой моделью как многомерное, включающее в себя как физические, так и социальные измерения, изменялось под воздействием социальных трансформаций. Адаптационный и биографический подходы позволяли трактовать изменения как связанные с изменениями среды [7; 8, с. 78], вписанные в исторический контекст [9; 10, с. 71].

В результате анализа выявлены противоречивые тенденции в изменениях жизненных пространств индивидов. С одной стороны, социальное расслоение проявлялось и на уровне жизненного пространства, которое расширялось при восходящей социальной мобильности и сужалось при нисходящей. С другой — усиление нестабильности средовых условий и индивидуализация адаптационных практик приводили к размыванию границ между группами, усилению неопределенности многих параметров жизненного пространства [11, с. 236; 12, с. 256; 13, с. 223]. Эти тенденции были во многом связаны с усилением мобильности, разрушением пространственных и социальных барьеров, которое в разной степени затрагивало все группы населения.

Ситуация пандемии, связанная с ограничением мобильности населения и воссозданием барьеров, вызвала противоположные тенденции. Необходимо отметить, что в развитии пандемической ситуации можно выделить по меньшей мере три этапа, на которых наблюдались разные тенденции.

- весенний (март — май) — этап локдауна, когда кризисная ситуация воспринималась как временная (была надежда, что кратковременная), и изменения практик носили характер экстренных;
- летний (июнь — август) — характеризуемый неопределенностью и неустойчивостью ситуации;
- осенний (с сентября) — кризисная ситуация приняла затяжной характер и наметилась рутинизация адаптивных практик.

Охарактеризуем подробнее разные аспекты изменений пространственных параметров повседневной жизни населения.

Изменение представлений

В общественных представлениях пандемия актуализировала проблематику глокализации [14, с. 37; 15, с. 2]. Структура глобальных и локальных сообществ, в которые включен индивид, в этот период стала доступной непосредственному восприятию и требующей соответствующей рефлексии. Предварительный анализ «пандемического» дискурса показывает, что пандемия — проблема глобальная, связанная с интенсивными коммуникациями, перемещениями больших масс людей, с размыванием и снятием разнообразных социальных барьеров. Именно возросшая интенсивность перемещений масс людей и плотность межличностных

коммуникаций привели к переводу этой проблемы из медицинской в социальную плоскость. В то же время положение каждого человека оказалось связанным с локальной ситуацией, определяемой на разных уровнях:

- эпидемическая ситуация, определяющая риск заражения конкретного индивида, различалась на непосредственном локальном уровне (в поселении, районе, микрорайоне) в зависимости от активной мобильности этого индивида;
- меры по противодействию распространения инфекции предпринимались на общегосударственном и региональном уровне, т. е. зависели от административной принадлежности территории проживания индивида;
- система медицинской помощи также зависела от конкретного поселения;
- жилищные условия семьи определяли возможности более или менее комфортного соблюдения режима самоизоляции;
- возможность/невозможность удаленной работы, доступность необходимых товаров определяли маршруты передвижений для удовлетворения повседневных нужд и, соответственно, возможности регулирования риска заражения;
- локальная инфраструктура связи лимитировала возможности переноса той или иной повседневной активности в виртуальное пространство.

Итак, можно утверждать, что положение и возможности индивидов в ситуации пандемии определялись сложной комбинацией глобальных и локальных условий, создающих уникальную и постоянно изменяющуюся глокальную ситуацию, что в значительной мере индивидами рефлексировалось.

Изменения повседневных практик

Изменения повседневных практик затронули в первую очередь «баланс труда и жизни» [16, р. 457; 17, р. 510]. С одной стороны, ситуация пандемии вызвала дифференциацию видов трудовой деятельности по возможности организации удаленной работы, с другой — по необходимости этой деятельности для жизнеобеспечения населения. Виды деятельности, которые не допускали работы в удаленном режиме, но и не относились к жизненно необходимым, в период первой волны пандемии были приостановлены, что поставило работников в ситуацию вынужденного отпуска.

Оценить масштабы изменений пространственных параметров в сфере занятости позволяют данные проекта коронаФОМ, призванного отслеживать разные показатели влияния пандемии на жизнь населения. Нами выбрано несколько параметров, относящихся к сфере занятости. Используются данные опроса «Новый образ жизни» в рамках проекта коронаФОМ (2020), опроса в городах с населением 50 тыс. человек и более, проведенного 23–26 апреля 2020 г. Объем выборки — 1 538 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,1 %. Распределение городского населения России по видам занятости представлено в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, вынужденные отпуска затронули каждого шестого взрослого горожанина и каждого пятого москвича. На удаленную работу в апреле 2020 г. перешли около 10 % городского населения России или более четверти (28 %) работающих горожан (в Москве, где эпидемическая обстановка весной была наиболее острой, эта доля составила 17 % всего населения или около 60 % работающих). Чем крупнее город, тем больше доля работающих в удаленном режиме.

Социально-демографические характеристики групп населения, работающего в разных режимах, представлены в таблице 2.

Таблица 1

Занятость городского населения России в апреле 2020 г., % выделенных групп

	Все горожане	Тип населенного пункта			
		Москва	Город 1 млн и более	Город от 250 тыс. до 1 млн	Город от 50 до 250 тыс.
Доля групп, %	100	11	23	34	32
Кол-во респондентов, чел.	1 538	197	357	532	452
Работаю	38	28	42	37	39
В том числе:					
полностью или частично перешел(-а) на работу из дома, удаленную работу	10	17	12	10	6
хожу на работу, как и до эпидемии	21	6	22	21	25
работаю из дома, как и до эпидемии	1	1	2	1	0
другой вариант	6	4	6	6	7
трудоустроен(-а), но из-за эпидемии сейчас нахожусь в вынужденном отпуске или не работаю	15	20	15	16	14
учусь	2	2	2	3	2
нахожусь на пенсии	27	33	22	29	27
не работаю	12	13	13	10	11
другое	6	4	6	5	7
затрудняюсь ответить	0	0	0	0	0

Таблица 2

Характеристики работающего населения, % выделенных групп

	Все горожане	Работающие		
		Всего	Продолжают ходить на работу	Работаю удаленно
Доля групп, %	100	38	21	10
Кол-во респондентов, чел.	1 538	567	272	192
Пол:				
мужчины	44	54	58	44
женщины	56	46	42	56
Возраст:				
18–30 лет	21	26	30	22
31–45 лет	30	40	37	50
46–60 лет	24	28	30	22
старше 60 лет	26	6	3	6
Образование:				
среднее общее и ниже	21	17	21	1
среднее специальное	42	40	51	18
высшее	37	43	28	81

Как следует из таблицы 2, среди перешедших на удаленную работу в условиях пандемии больше женщин (среди продолжающих ходить на работу больше мужчин). Чаще всего работают удаленно сотрудники среднего возраста (они составили половину всех, перешедших на удаленную работу). Наиболее характерный показатель проявляется в том, что более 4/5 работников, перешедших на удаленный режим, — работники с высшим образованием.

По данным опроса, чаще других работали удаленно работники сферы образования (19 % данной группы). Однако такой режим использовался в разных сферах деятельности: торговле (12 % работающих удаленно), промышленности (11 %), строительстве, ремонте (7 %), IT-технологии (7 %), транспорте, грузоперевозках (6 %), экономике, финансах (6 %). Для этой категории населения рабочим местом стало место жительства, что привело к переопределению границ рабочего места и времени. Подробнее сведения об условиях труда и изменения в его организации представлены в таблице 3, где даны характеристики этой группы (составившей 10 % опрошенных).

Как видно из таблицы 3, удаленная работа практически всегда связана с необходимостью доступа в интернет, постоянного или хотя бы периодического. Отдельное рабочее место является не столь обязательным, хотя способствующим повышению удовлетворенности работой — такое место есть у 3/4 тех, кому работать удаленно, скорее, нравится, и лишь у половины тех, кому это, скорее, не нравится.

В большей степени сказываются на удовлетворенности изменения в содержании и организации работы. Примерно половина перешедших на удаленную работу считают, что в содержании и организации работы у них все осталось по-прежнему. Среди тех, кому этот режим работы, скорее, нравится, удалось оставить все по-прежнему более чем 3/4, а среди тех, кому, скорее, не нравится, все осталось по-прежнему лишь у одной трети. Более 60 % указали, что у них изменилось многое.

В первую очередь речь идет об изменении объема выполняемой работы — лишь у трети перешедших на удаленный режим он остался прежним, сохранился почти у половины тех, кому «удаленка», скорее, нравится, и менее, чем у четверти тех, кому она, скорее, не нравится. Чаще респонденты отмечали уменьшение объема работы на удаленном режиме, что связано как с общим спадом экономической активности, так и с тем, что не все виды работ удается в таком режиме выполнять. Иногда выполнение работы требует дополнительного времени, связанного с неудовлетворительным качеством связи, отсутствием необходимого оборудования, дополнительными техническими сложностями в организации контактов. Но порой и дополнительные затраты оказываются неэффективны, страдает качество работы, о чем сообщили более трети работающих удаленно и почти половина (45 %) тех, кому такая работа, скорее, не нравится.

Наконец, важная характеристика удаленной работы — размывание границ рабочего и нерабочего времени. Как следует из таблицы 3, более удовлетворены удаленной работой те, кому такое разделение удается сохранить. Это удается примерно трети работающим удаленно. Причем среди тех, кому такой режим нравится — 44 %, а среди тех, кому он, скорее, не нравится — 26 %. Чаще работникам удается разделить дни на рабочие и выходные (более 40 % всех работающих удаленно и более половины тех, кому такой режим нравится).

Конечно, во многом данное разделение ограничивается рабочей ситуацией — именно удаленный режим позволяет и требует работать, когда есть работа, поскольку исключает такой показатель трудовой активности, как присутствие на рабочем месте. Вместе с тем в домашней обстановке люди чаще отвлекаются от

Таблица 3

**Условия труда и удовлетворенность перешедших на удаленную работу,
% от соответствующих групп**

	Перешли на удаленную работу	Работать удаленно	
		Скорее, нравится	Скорее, не нравится
Доля групп	100	36	61
Рабочее место:			
есть	59	75	50
нет	41	25	50
Нужен ли доступ к интернету:			
не нужен	2	1	3
нужен постоянно	90	93	89
нужен время от времени	8	6	9
Изменения в содержании и организации работы:			
изменилось многое	47	22	61
всё осталось по-прежнему	51	76	36
Изменение объема работы:			
больше	22	14	28
меньше	42	37	45
примерно столько же	33	48	23
Качество работы:			
лучше	13	21	8
хуже	37	26	45
примерно так же	43	47	39
Отвлекаются от работы:			
больше	54	38	64
меньше	16	30	8
примерно так же	23	28	20
Граница рабочего и нерабочего времени:			
провожу границу	33	44	26
работаю по ситуации, без определенного графика	66	54	72
Разделение на рабочие и выходные дни:			
делю — есть дни для работы и дни для отдыха	43	51	39
не делю, работаю каждый день	21	15	24
работаю по ситуации, когда есть работа	35	30	38

работы, на что указали более половины (54 %) всех работающих удаленно и почти две трети (64 %) тех, кому этот режим не нравится. Лишь 19 % опрошенных, работающих удаленно, сказали, что их ничего не отвлекает. Среди отвлекающих от работы факторов в домашних условиях на первом месте — дети и внуки (указали 28 % работающих удаленно), на втором (21 %) — иные члены семьи и домашние питомцы. 17 % работающих удаленно сказали, что их расслабляет домашняя обстановка, нахождение дома, нежесткий график. В то же время о домашних делах, которые отвлекали бы от работы, упомянули всего 2 %. Это позволяет предположить, что с функциональным разграничением работники справляются успешнее, чем с организацией своего времени.

Из недостатков удаленной работы респонденты указывали в первую очередь (18 %) отсутствие коммуникации с коллегами. При этом они говорили и о затруднении коммуникации, необходимой для работы, и о нехватке полноценного общения с членами трудового коллектива. Остальные приведенные недостатки удаленной работы (неполноценность домашней работы в связи со спецификой; отсутствие необходимых условий, оборудования; увеличение объема, ненормированность; отвлекающие факторы; расслабляющая обстановка) в той или иной степени связаны со снижением качества работы. Исключение, пожалуй, составляет такая характеристика домашней работы, как однообразие обстановки. Невозможность изменять обстановку в течение дня некоторыми респондентами (6 %) рассматривается как недостаток такого режима занятости.

Вместе с тем многими респондентами (13 % работающих удаленно) домашняя обстановка рассматривается как комфортная, спокойная, не отвлекающая от дела, что воспринимается ими как достоинство удаленной работы. Другим достоинством соответствующего режима работы респонденты считают возможность самостоятельно регулировать свой график (9 %) и более гибко совмещать трудовую деятельность с домашними делами (8 %). Но прежде всего среди привлекательных сторон «удаленки» работники называют экономию времени и денег на проезд к месту работы и обратно (что отметили 16 % работников этой группы).

Приведенные данные показывают неоднозначность влияния удаленной работы на индивидуальное жизненное пространство. Но переопределение границ рабочего места и времени в любом случае является существенным изменением этого пространства. Такое изменение не ограничивается сферой занятости. В разных сферах жизнедеятельности можно наблюдать последствия ограничения мобильности и межличностных контактов:

- стремление минимизировать контакты привело к росту онлайн-покупок, эти практики стали более распространенными и более привычными для потребителей. В частности, получила распространение практика заказа продуктов и товаров для престарелых родственников;
- дистанционное обучение получило импульс к развитию в ситуации пандемии. Хотя практики в этой сфере оказались особенно противоречивы, поскольку, с одной стороны, информационная составляющая процесса образования, казалось бы, легко поддавалась виртуализации, с другой — именно в этой сфере проявились проблемы, связанные и с несовершенством технического обеспечения, и с недостаточным методическим обеспечением процесса;
- наконец, в проведении досуга больше места стали занимать его виртуальные виды, что, в свою очередь, открывало дополнительные возможности, но одновременно порождало новые или усиливало существующие проблемы гиподинамии, разобщенности, иные.

Все эти виды деятельности оказались сосредоточенными физически в пространстве жилища, требуя дополнительных усилий по их совмещению и упорядочению, особенно когда на одни и те же ресурсы (пространственные или технические) претендовали разные члены семьи.

Таким образом, можно говорить о дальнейшем размывании функциональной определенности пространства жилища. С одной стороны, оно становится все более полифункциональным, включающим в себя различные виды повседневной деятельности. Однако, с другой стороны, общее сокращение мобильности, восприятие внешних по отношению к дому мест как зоны повышенной опасности сокращает возможности использования помимо жилища иных территорий. Место работы перестает быть местом общения, магазины — местом досуга, а транспорт — территорией «мобильного офиса». Все территории, кроме жилища, используются лишь по прямому назначению (если используются).

Изменение социальных отношений

Изменение социальных отношений наблюдается в появлении новых форм неравенства. В социальном пространстве изменяется конфигурация социальных групп, отношений между ними, появляются новые барьеры и новые солидарности. В очередной раз находим оправданным применение объяснительной модели общества риска У. Бека [18], когда глобальная, порожденная развитием общества угроза требует принятия решений на уровне каждого индивида — его способов поведения для минимизации опасности лично для себя и окружающих.

Вместе с тем такая опасность имеет специфические последствия для социальных отношений:

- поскольку риск заражения связан с непосредственными межличностными контактами, возникающая угроза вызывает ревизию существующих контактов индивида и стремление к их сведению к жизненно необходимым, что, естественно, приводит к ослаблению или обрыву более слабых связей, а вследствие этого к фрагментации общества, потенциально стремящейся к атомизации;
- форма передачи инфекции привела к тому, что наиболее уязвимыми, особенно на начальном этапе пандемии, оказались высокостатусные группы населения, важной составляющей образа жизни которых служит высокая мобильность и интенсивность общения. Именно эти группы были основными акторами тенденций интеграции, гражданами мира без границ и именно они оказались в группе риска новой глобальной угрозы. Однако по мере распространения инфекции на первый план выходили традиционные преимущества социальной стратификации, в данном случае возможности этих групп по обеспечению индивидуальной защиты (более комфортные жилищные условия, личный транспорт, дополнительные медицинские услуги), что усиливало существующее социально-экономическое неравенство;
- еще одним измерением неравенства в сфере занятости становится возможность или невозможность использовать удаленный режим работы как наиболее безопасный в плане заражения, исключающий личные контакты на рабочем месте и в общественном транспорте;
- новые формы коммуникации, не связанные с личными контактами, с одной стороны, получают дополнительный импульс к развитию, с другой — такие формы общения, лишённые возможности развиртуализации, лишаются эмоциональной подпитки и становятся менее устойчивыми.

В целом ситуация пандемии актуализировала рефлексию по поводу значимости непосредственных межличностных контактов в самых разных видах деятельности, как профессиональных, так и не связанных с профессиональной сферой. Если на начальной стадии пандемии разрыв контактов представлялся временной мерой, после которой жизнь вернется к привычным практикам, то вторая волна стимулирует выработку новых способов приспособления к формирующимся угрозам как к чему-то длительному. Однако этот процесс еще в самом начале, и пока трудно прогнозировать, какие формы примет такое приспособление.

В текущем году ключевым фактором изменения пространственных параметров повседневной жизни городского населения стала ситуация пандемии COVID-19. Экстремальная ситуация привела к пространственному перераспределению различных видов жизнедеятельности горожан, сосредоточению многих функций в жилище, усилению виртуализации разных видов жизнедеятельности. Данная ситуация стимулировала актуализацию рефлексии в отношении роли непосредственных межличностных контактов в разных видах деятельности. Последствия изменений во многом зависят от продолжительности экстремальной ситуации и в любом случае нуждаются в дальнейшем анализе.

Литература

1. Слепцов А. Н., Потравная Е. В. Влияние пандемии коронавируса на жизнь арктических регионов в оценках населения // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 144–147. DOI: 10.31857/S013216250009621-6
2. Решетников А. В., Присяжная Н. В., Павлов С. В., Вяткина Н. Ю. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 138–143. DOI: 10.31857/S013216250009481-2
3. Стратегии поведения жителей Екатеринбурга в условиях пандемии и нарастающего экономического кризиса. На основе данных исследования Фонда «Социум» [Электронный ресурс] // Фонд «Социум». Екатеринбург, 2020. 33 с. URL: <https://fsocium.com/wp-content/uploads/2020/04/%D0%A1%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D0%BC-%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%B0.pdf> (дата обращения: 01.12.2020).
4. Проект коронаФОМ [Электронный ресурс]. URL: https://covid19.fom.ru/?utm_source=fomru&utm_medium=banner&utm_campaign=k_fom&utm_content=header (дата обращения: 01.12.2020).
5. Социальное пространство большого города / под ред. Г. В. Еремичевой. СПб.: Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, 2018. 392 с.
6. Levin K. Defining the “field at a given time” // Psychological Review. 1943. No. 50. P. 292–310 // Левин К. Определение «поля в данный момент» // Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. с англ. СПб.: Сенсор, 2000. С. 64–80.
7. Корель Л. В. Социология адаптации: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 415 с.
8. Шабанова М. А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3. С. 78–104.
9. Биографический метод: история, методология, практика / под ред. Е. Ю. Мещеркиной, В. В. Семенов. М.: Институт социологии РАН, 1994. 148 с.
10. Голофаст В. Б. Многообразии биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–89.
11. Евдокимова Е. П. Жизненное пространство жителей Санкт-Петербурга: пересечение индивидуальных биографий и социальных трансформаций // (Авто)биография как объект социологического анализа: материалы X чтений памяти В. Б. Голофаста / под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Норма, 2018. С. 236–243.

12. Евдокимова Е. П. Повседневные практики петербуржцев в меняющемся городском пространстве // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса: материалы IX социологических чтений памяти В. Б. Голофаства. СПб.: Норма, 2017. С. 256–265.
13. Евдокимова Е. П. Профессиональные траектории петербуржцев в эпоху перемен: усиление гибкости и тенденции прекаризации // Ядовские чтения: перспективы социологии: сб. науч. докладов конф. / под ред. О. Б. Божкова, С. С. Ярошенко, В. Ю. Бочарова. СПб.: Эйдос, 2016. С. 223–231.
14. Игнатьев В. И. Социальные локальности в эпоху информационно-сетевой глокализации // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 37–46. DOI: 10.31857/S013216250010024-9
15. Голофаст В. Б. Глобальное и локальное как контексты и контрасты // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. № 1. С. 2–8.
16. Bloom N., Van Reenen J. Management practices, work-life balance and productivity: a review of some recent evidence // Oxford Review of Economic Policy. 2006. No. 22. P. 457–482.
17. Greenhaus J. H., Collins K. M., Shaw J. D. The relation between work–family balance and quality of life // Journal of Vocational Behavior. 2003. No. 63. P. 510–531.
18. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

Контактные данные:

Евдокимова Е. П.: 190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14; (812) 316-32-95; e-mail: ee34@yandex.ru.

Contact Details:

Evdokimova E. P.: 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg, 190005, Russia; (812) 316-32-95; e-mail: ee34@yandex.ru.